

**СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ КЫРГЫЗСКОГО ОБЩЕСТВА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА
В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Токторбекова Нурзыйнат Асаналыевна
ст. преп. Ошского Государственного Университета,
723500, Республика Кыргызстан, г Ош, ул. Ленина, 331

**SOCIAL STRATIFICATION OF THE KYRGYZ SOCIETY
IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY
IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIAN HISTORIOGRAPHY**

Nurzinat Toktorbekova
Senior lecturer of the Osh State University,
723500, Kyrgyzstan, Osh, Lenina Street, 331

АННОТАЦИЯ

В статье в историографическом аспекте рассматриваются отражения социальной структуры кыргызского общества во второй половине XIX в. в русскоязычной литературе. Анализируются труды Ч.Ч. Валиханова, М.И. Венюкова, Г. Загряжского, Г.Е. Грум-Гржимайло и др.

ABSTRACT

The article discusses historiographical aspect of the reflection of the social structure of the Kyrgyz society in the second half of the XIXth century in Russian-language literature. The works of Ch. Valihanov, M.I. Venyukov, G. Zagryazhskiy, G.E. Groom-Grzhimailo et al. are analyzed.

Ключевые слова: социальная стратификация, кыргызское общество, русская историография, манапы, бии, букара.

Keywords: social stratification, Kyrgyz society, Russian historiography, Manap, Biy, Bukara.

Социально-экономическое и политическое положение кыргызов дореволюционного периода было широко отражено в дореволюционной русской историографии, представителями которой являлись русские путешественники, востоковеды, военные-востоковеды. В связи с активизацией внешней политики России в Средней Азии русское правительство было заинтересовано в сборе различных материалов о народах Средней Азии. Представителями русской историографии в ходе совершения путешествий, дипломатических, военных миссий была накоплена различная информация о тьянь-шанских кыргызах. В основном это были материалы географического, этнографического, исторического, а также топографического характера. Проблемы кыргызоведения были отражены, прежде всего, в дневниках, записках, путевых заметках, различных публикациях, а также специальных работах. Собранные материалы в свое время были опубликованы в различных изданиях и органах РГО. Интерес к разностороннему исследованию проблем кыргызоведения в русской историографии был продиктован геополитическими интересами Российской империи.

Следует отметить, что первые официальные сведения о кыргызах в русскую историографию были внесены В.Н. Татищевым и П.И. Рычковым. В своей работе «История Российская с самых древнейших времен» В.Н. Татищев писал: «Алатай киргизы, народ кочевой и сильный, за Ташкентом, от обитания большой казацкой орды в 5 и 6 днях, обитают около градусов Ходжанта (Ходжент), Наимачина (Намангана) и Мадшалана (Маргалана) в горах каменистых и мало проходимых, кои Алатау зовутся, их положение между Зюнгарского (Джунгарского) владения и реки Сырь, при урочищах Бахалжи и Куркорь, часть их под владением Зюнгарским, другая с оными воюет, их войска вбирается до 30000» [19, с. 283]. Этот факт можно легко подтвердить тем, что сведения В.Н. Татищева и П.И. Рычкова о кыргызах

сильно не отличаются. Обратимся к общеизвестному труду П.И. Рычкова. Автор сообщает о кыргызах следующее: «...есть еще сильный и многолюдный народ киргисцы за Ташкентом около городов Ходжента, Наймачина (Наманган) и Мадталана (Маргелан), который кочует там в каменистых и неудобоприступных горах, называемых Алатау, от коих гор и называются они Алатай киргиси» [16, с. 133]. Как утверждал автор, сведения о народах Средней Азии являются достоверными, так как информация была получена им не только из письменных источников, но и непосредственно из уст представителей народа. Сочинение П. Рычкова содержит массу интересных сведений по топографии и этнографии края, а также важный материал о тьянь-шанских кыргызах, об их численности, расселении и взаимоотношениях с соседями. Учитывая время опубликования и помещенные в нем сведения о кыргызах, П.И. Рычкова можно считать первым автором, благодаря которому кыргызы стали известны в русской историографии и в научном мире.

В связи с активизацией внешней политики Российской империи отражение проблемы кыргызоведения становится одной из актуальных задач русской историографии. С началом XIX века в русской историографии начинается систематическое изучение истории кыргызского народа. Расширяется круг проблем, появляются разнообразные жанры описания. Огромную роль в плане изучения народов Средней Азии, в том числе кыргызов, сыграло образование 6 августа 1845 года Русского Географического общества. За период своего существования оно внесло большой вклад в изучение истории кыргызов. После создания общества организация экспедиций с целью изучения края приобрела систематический характер.

В трудах русскоязычных авторов во второй половине XIX века особое внимание уделяется социальной структуре кыргызского общества. В «Записках» Русского Географического общества были опубликованы солидные очерки – «Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии» [12] и «Сведения о дикокаменных киргизах» [17]. Обе статьи в свое время были опубликованы без указания авторов. Однако при анализе

дореволюционной русской литературы XIX века нам удалось установить авторов двух очерков. По утверждению Ж.Б. Алымбаева, авторами очерка «Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии» являются Д. Телятников и А.В. Безносиков, в свое время посетившие Кокандское ханство для составления карты Средней Азии; в результате своей поездки они написали большой содержательный очерк. Авторами другого очерка «Сведения о дикокаменных киргизах», полагает Ж.Б. Алымбаев, были И. Воронин и Т.Ф. Нифантьев, присланные в Географическое общество генерал-губернатором Западной Сибири в 1851 году [1, с. 102].

По данным очерка «Обозрение Кокандского ханства...», буруты, или дикокаменные киргизы, обитали «между озером Балхаш и вершинами Сыр-Дарьи» и занимали часть «возвышенной долины в горах Ала-Тау и Кашгар-Давана» [12, с. 177–178]. Горы Ала-Тоо – это территория, расположенная между правым берегом Сыр-Дарьи и озером Балхаш. Кашкар-Давань – это хребет (именуется во многих работах как «хребет Кашгарский»), занимающий южные части территории Коканда и простирающийся до самого города Ура-Тюбе. Далее авторы указывают, что на юго-западе «в окрестностях Исфары, в горах» [12, с. 184] расселяются киргизы. Перечисляя расселение населения ханства, они попытались установить численность киргизов. В очерке говорится: «Буруты, или киргизы занимают горы Ала-Тау и простираются на юг до самых высот Белур-Тага. Часть их, в числе 10 000 кибиток, кочует по восточным покатолям этих гор и почти достигает Кашкара» [12, с. 190]. Следует отметить, что Белур-Таг – это территория, расположенная в Восточном Туркестане, принадлежащая в свое время Кокандскому ханству, которую кроме киргизов населяли и другие тюркские народы.

Другой очерк, «Сведения о дикокаменных киргизах», является первым сводным документом, отражающим краткие природно-географические, историко-этнографические, социально-экономические и хозяйственные сведения о жизни киргизов первой половины XIX века. Авторы очерка

И. Воронин и Т.Ф. Нифантьев, четко обозначая территорию расселения кыргызов, писали: «Обыкновенно на картах означают границы дикокаменной орды снежными хребтами, окружающими озеро Иссык-Куль; но киргизы не признают этих предков и кочуют беспрепятственно от озера Иссык-Куль на востоке до китайской пикетной дороги (из Кульджи в Аксу), на юге до Коканда и Ташкента, а на севере до высоты гор Кунги – Ала-Тау и по вершинам речки Нарына» [17, с. 141]. Далее И. Воронин и Т.Ф. Нифантьев свое внимание обратили на численность кыргызов и родоправителей отдельных родов. По их данным, сарбагишский манап Ормон имел до 40 000 юрт, а бугинский манап Боромбай – до 10 000 юрт и 100 000 лошадей [17, с. 141]. Обращая свое внимание на социальную структуру кыргызского общества, авторы «Сведения о дикокаменных киргизах» отмечают, что «вся черная орда делится на многие роды и отделения. Каждый род и отделение управляются манапами, избираемыми большинством народа; хотя достоинство это не есть наследственное, но передается преимущественно сыновьям и другим родственникам выбывшего манапа, если богатство и личные достоинства внушают к ним уважение» [17, с. 141].

Материалы о социальной стратификации кыргызского общества мы находим в трудах Ч.Ч. Валиханова. В частности, историко-этнографический труд «Записки о киргизах» [3] Ч.Ч. Валиханов начал писать еще летом 1856 года, когда сам автор в составе военной экспедиции полковника Хоментовского совершил поездку на Иссык-Куль. В работе затронут большой аспект вопросов: территориальное расселение, родоплеменной состав северных кыргызов, их система управления и проблемы происхождения, хозяйственная жизнь, торговля и др. Судя по «Запискам» Ч. Валиханова, в середине XIX века кыргызы занимали огромную территорию Средней Азии. Племена кыргызов были разбросаны кочевьями от Иссык-Куля до Гиссара и Бадахшана и от Суздака до Аксу и Уч-Турфана [3, с. 7]. В «Записках» большое место отведено изучению происхождения народа.

В другом очерке Ч.Ч. Валиханов приводит сведения о родоплеменной структуре кыргызов. В частности, автор писал: «Дикокаменная орда разделяется на два кырла «он и соль»», т.е. правое и левое, соответствующие монгольскому борангар и джунгар» [4, с. 54]. Правое кырыло разделяется на два отдела: Адгэне (Адигине) и Тагай. Тагай есть самый обширный отдел. К нему принадлежат сродные, но ведущие постоянную вражду племена: сарыбагиш и богу (бугу), султу (солто), саяк, черик, чон-багыш и бассыз, всего семь родов. Бугу состоят с 1855 г. в русском подданстве; у них считается 11000 кибиток. Бугинцы имеют хлебопашество на южном берегу Иссык-Куля, а лето кочуют в верховьях Текеса и Кегена. У сарыбагишей до 10 кибиток (10000), кочуют на реке Чу и на восточной оконечности Иссык-Куля. Султу... до 15 (15000) кибиток, кочуют на Таласе и на реке Чу, около кокандского укрепления Пишпек. Саяки занимают верховья Нарына и Джунгала (Джунгария); черики – Тяньшанское нагорье на юг от озера Иссык-Куль; чон-багыши обитают горы на северо-запад от Кашгара. Последние два племени очень бедны. Остальные роды из колена Тагай занимают горы на с. От Намангана в окрестностях Андижана и в верховьях реки Джум-гол. Киргизы Адгэне имеют хлебопашество в Ферганской долине около городов Маргилана, Оша, а лето проводят в горах от Оша до Коканда.... Левое крыло состоит из трех маленьких племен, которые кочуют по Таласу. Родоначальники их состоят в родстве с кокандскими ханами, которые по женской линии киргизского происхождения. Найманы, кипчаки и китай, племена, присоединившиеся к киргизскому народу впоследствии, кочуют от Оша по Памирскому плоскогорью до Бадахшана и оттуда по Каракорумской цепи; с ними же кочуют ичкилики и некоторые роды из племени Адгэне [4, с. 54–56].

Ареал, этнический состав и численность киргизов в первой половине XIX века рассматриваются в ряде работ М.И. Венюкова – выдающегося военного востоковеда, путешественника, историка и этнографа. М. Венюков, обращая свое внимание на этнические проблемы кыргызов, писал: «Про одну часть их достоверно можно сказать, что она пришла в Тяньшаньские горы

с верховий Енисея, где еще в XVII веке вела борьбу с русскими; но вообще кара-киргизы производят свой род с запада, из областей, занятых и донныне тюркскими племенами» [5, с. 305]. Как видно из высказываний, автор допускал возможность переселения кыргызов с Енисея на Тянь-Шань в XVII веке. В то же время часть кыргызов могла проживать и на Тянь-Шане. В этом плане он солидарен с мнением Ч.Ч. Валиханова. В частности, поддерживая Ч. Валиханова, он утверждал, что «дикокаменными киргизами» русские называли русский народ, который кочует в горах около Иссык-Куля и который сам себя зовет просто кыргыз, в отличие от казаков, которых принято называть киргизами. Следует обратить внимание на то, что М. Венюков утверждал: «Наиболее известны нам сарыбагиши, султы (солто) и боглицы (бугинцы). Из них первые в настоящее время кочуют на верховьях Чу и у западного конца Иссык-Куля» [6, с. 105]. Заслуживает внимания и другая работа М. Венюкова, посвященная историко-географическому исследованию Тянь-Шаня, Иссык-Куля и Восточного Туркестана. По подсчетам автора, в Токмакских и Иссык-Кульских уездах проживало около 140 000 душ, а во владениях Якуб-бека кашгарского было приблизительно 850 000 киргизов. Как утверждает автор, они были исконными обитателями этих местностей и разделялись по происхождению (подобно туранским узбекам) и по родам (подобно степным киргиз-кайсакам) [5, с. 304]. Вместе с этим, автор отмечал деление кыргызов на различные роды и подроды и на правое и левое крыло. Высказывая мнение об автохтонности кыргызского народа, автор в то же время считал, что он «происхождение свое выводит из окрестностей Андижана, хотя еще в XVIII веке значительная часть их кочевала по верховьям Енисея, почти до самого Красноярска» [5, с. 305]. Как видно, автор поддерживал мнение Ч. Валиханова.

Другой путешественник, побывавший в 1859 г. в Прииссыккулье, А Голубев, отметил, что долина реки Текес, обильно орошенная и представляющая отличные пастбища, была занята бугинцами. Между сарыбагишами и бугинцами наблюдались постоянные столкновения [7, с. 189–190]. Нужно

отметить, что подобные данные в свое время приводили М. Венюков, Ч. Валиханов и ряд других авторов. Причем, каждый автор указывал различные цифры по количеству юрт в тех или иных племенах. Однако вообще в условиях кочевой жизни кыргызов невозможно было установить какие-либо точные статистические данные. Если опираться на данные Статистического комитета, то общая численность современных северных кыргызов составляла в 1872 г. только в одном Токмакском уезде 128030 чел., в Иссык-Кульском – 48253 [13, с. 120].

Места расселения современных северных кыргызов отражены в трудах Г.Е. Грум-Гржимайло, одного из активных деятелей РГО, совершившего свое путешествие по западному Тянь-Шаню, по Алаю, Памиру, Кашгарским горам. Как утверждает автор, во второй пол. XIX в. кыргызы занимали Чуйскую долину левого берега реки Чу, часть правого у подножья хребта Кунгей-Алатау и весь остальной Пишпекский уезд. По южному склону Алатау и Чуйской долины до правого берега реки Чу кочевали казахи, или киргиз-кайсаки, Большой орды рода дулат. Граница казахов и кыргызов проходила по реки Чу. Пишпекские кыргызы разделялись на роды: сарыбагиш, солты и саяк, независимые один от другого и разделявшиеся каждый на массу более мелких родов [8, с. 26]. Род солты кочевал в окрестностях Пишпека. Род саяк – за Александровским хребтом, их кочевки доходили почти до Андижана. В большом подчинении Кокандского ханства находились роды солты и саяк. Самый сильный в то время род сарыбагиш, хотя и признавал себя зависимым от Коканда, но поскольку он кочевал на востоке Чуйской долины вдали от поселений кокандцев, управлялся более самостоятельно и даже имел из своего рода хана Ормона, который заведывал не только сарыбагишами, но частью саяками и родом Богу, кочевья которого входили впоследствии в Пржевальский уезд [8, с. 30].

Общеизвестно, что в Киргизии рассматриваемого периода существовало феодальное общество, однако феодализм здесь тесно переплетался с патриархально-родовыми и племенными отношениями. Экономической

основой феодализма у кочевых киргизов являлась феодальная собственность манапов и баев на землю, которая и была главным средством производства. При таких формах собственности основными классами кыргызского общества в изучаемый период были, с одной стороны, господствующий класс феодалов (манапы, бии, баи) и, с другой стороны, феодально зависимое крестьянство (букара), подвергавшееся феодальной эксплуатации.

В трудах русскоязычных авторов рассматриваемого периода авторы обращали свое внимание на социальную стратификацию кыргызского общества. В частности, во время своей поездки на Иссык-Куль Ч.Ч. Валиханов писал: «Народ, как на сословия, разделяется на две касты: владетелей (манапов) и простого народа (кара-бухары). Манапы, как прямые потомки родоначальника орды, имели первоначально патриархальное право отца семейства, но постепенно с течением времени эта власть увеличивалась и обратилась в конце концов в деспотические отношения владетеля и рабов» [4, с. 38]. Нужно отметить, что на севере Киргизии значительную часть феодалов составляли манапы. В соответствии с количеством зависимых юрт манапы делились на три группы: старший мапап (баш манап), средний манап (орто манап) и младший манап (чала манап). Мелкими считались те манапы, в зависимости от которых было менее 100 юрт [2, с. 51]. Свое время А.Н. Северцов тоже упоминал, что манапы по своему экономическому, политическому положению делятся на три группы [15, с. 100]. Следует отметить, что все манапы считались между собой равными, но в некоторых случаях подчинялись более сильному в роде. Так, без его разрешения мелкие манапы не смели выступать против другого рода, в противном случае он подвергался нападению со стороны сильного манапа. Благодаря равенству манапы очень часто ссорились между собой. У каждого манапа было известное число подданных юрт, с которыми он кочевал и которых защищал, в противном случае недовольные кыргызы могли перейти в подданство к другому манапу. Мелкими манапами считались те, у которых число подданных было менее ста юрт, были даже обладатели десятка кибиток. Иногда малые манапы бии-

родоправители проявляли непокорность по отношению к своим верховным правителям чон-манапам, откочевывали и не признавали их власти и авторитета [14, с. 27]. Следует заметить, что звание «манап» получило распространение только на севере Киргизии, на юге этот термин не применялся.

Интересные материалы об институте манапства, бийства, о судопроизводстве кыргызов отражены в публикациях Г. Загряжского. Нужно отметить, что Г. Загряжский, в свое время находясь на административной должности (начальником Токмокского уезда), непосредственно наблюдая и являясь участником многих политических событий 70-х годов XIX века, собрал интересные материалы. Как утверждает Г. Загряжский, манапы имели неограниченную власть. Данную мысль автор попытался доказать на примере манапа Рыскулбека Нарботоева. Автор пишет: «...в Кетмен-Тюбинской волости всем заправлял Роскулбек (Рыскулбек) Нарбутин... Роскулбек... позволял себе такие поступки, о которых прежде никакой манап в Чуйской долине и думать не смел. Так, напр., он брал зякет со всех коканских купцов, которые приходили к нему торговать... Ослушаться Роскулбека все равно, что лишиться имущества, а пожалуй – и головы. С киргиз он брал за свадьбу, за похороны, за обрезание. Жаловаться на него нечего было и думать, потому что просителя поймают джигиты Рыскублека и сделают то, что будет приказано» [10, с. 363]. Манапы самостоятельно принимали политические решения. Тот же Рыскулбек Нарботоев, не желая подчиниться русским властям во время волостных выборов, приказал выбрать своего родного брата Керимбека.

Следующую группы социальной стратификации кыргызского общества составляли бии. Как упоминается в дореволюционных источниках, после манапа бий по кыргызскому обычаю (вернее, по шариату) решал все спорные вопросы гражданского и уголовного характера. Побывав в 1856 г. на юго-западной оконечности озера Иссык-Куль в районе кочевков племени сарыбагишей, П.П. Семенов писал об этом так: «Бий, мировой судья киргизов, есть обыкновенно родовой правитель или человек, около которого

сгруппировалось если не вполне однородное, то по крайней мере привольное сбирище из нескольких аулов и которого общественное мнение признало мировым судьей. От тяжущихся зависит обратиться к тому или другому бию, который разбирает тяжбу и налагает на обидчика в пользу обиженной стороны вознаграждение, которого размер определяется количеством баранов, составляющих здесь меновую единицу, обыкновенно приравниваемую к нашему рублю. Приговор бия большею частью исполняется свято, но на него допускается апелляция манапу [18, с. 205]. По традиции кыргызов, только манапы рассматривали кассационные жалобы. Как правильно утверждал П.П. Семенов, манап «передает дело на переосуждение ближайших к нему биев, суд коих считается уже окончательным. Если же тяжущиеся стороны принадлежат к разным племенам, то они обращаются с жалобой к двум разным манапам и дело может быть решено окончательно только на съезде обоих манапов с биями обоих племен» [18, с. 205].

Кто, по традиции кыргызов, мог быть достойным звания бия? Как утверждает Г. Загряжский, почетное звание бия приобретал «киргиз, известный по своему уму, безукоризненной нравственности, справедливости, опытности в киргизском судопроизводстве, а следовательно, и в знании киргизских обычаев, на основании которых производится суд и расправа у киргизов» [10, с. 193]. Причем, «не всегда вдруг, но со временем, когда несколькими разборами дел киргиз выкажет свой ум и справедливость» [10, с. 193]. Звание бия не было наследственным, «потому что нравственные качества, которыми приобретено это звание, не могут переходить по наследству» [10, с. 194]. Бий разбирал все вообще поступавшие к нему по жалобам дела, какого бы рода и какой бы важности они ни были. В своих решениях бии руководствовались народными обычаями и своим собственным умом.

Бии считались верховными киргизскими судьями, понятия «апелляция» не существовало. Как правильно отметил Г. Загряжский, суды биев никогда не использовали тюремное заключение как вид наказания, по обычаю

разбирательства оканчивались сделками на деньги или на скот (кун) [10, с. 197]. Но, по традиции кыргызов, бий, решивший дело несправедливо, лишался доверия своих родичей, а вместе с ним и звания бия, «потому что потерявший доверенность народа не может уже быть судьей, а, следовательно, и бием» [10, с. 164]. Подтверждая мысли П.П. Семенова, Г. Загряжский также отмечал, что высшую инстанцию суда составляли манапы родоправители; от них иногда зависело перерешение дел, решенных биями [10, с. 193]. Манап был фактически неограниченным властителем в своем племени, распоряжаясь жизнью и имуществом его членов, имея свои табуны и отары.

Следующей категорией в кыргызском обществе были «букара» которые составляли основную его массу. Интересные материалы о букаре даются в работе Л. Костенко. Название «букара», по мнению автора, означало «черный народ». Букара считалась принадлежавшей к тому же роду, к которому принадлежал и ее манап. Эти родовые общинники обладали определенной хозяйственной самостоятельностью, имели в частной собственности скот, имели право общинного пользования пастбищами [11]. Как указывают другие источники рассматриваемого периода, на более низкой ступени общественного положения стояли малаи (батраки-кыргызы из чужого рода) и джатакчи (обедневшие и некочующие соплеменники, занимавшиеся земледелием). У оседлых земледельцев рядовые декхане назывались игенчи, а разорившиеся неимущие – байгуши (байкуш).

Таким образом, характерной особенностью кыргызского социума была родоплеменная структура. Кыргызское общество состояло из множества племен и родов, отдельных групп и подразделений, объединенных сложной генеалогической системой. Наиболее крупными и известными племенными объединениями в северной части современного Кыргызстана были багыши, солто, саяки и бугинцы. Родоплеменная структура кыргызского общества поддерживалась обычаями, родом, группой управляли манапы, бии, аксакалы, выступающие в роли хранителей народных обычаев и обрядов и обладавшие неограниченной властью.

Список литературы:

1. Алымбаев Ж. Общественно-политическая жизнь кыргызов в Российской историографии второй половины XVIII – начала XIX в. – Б. 2009.
2. Бартольд В. Киргизы. Исторический очерк // Собр. соч. Т. 2, ч. 1. – М., 1963.
3. Валиханов Ч. Записки о киргизах // Собр. соч. в 5 т. – Алма-Ата, 1985. – Т. 2.
4. Валиханов Ч.Ч. Очерки Джунгарии // Записки РГО. – 1860. – Кн. 2.
5. Венюков М.И. Опыт военного обозрения русских границ. – СПб., 1873.
6. Венюков М. Очерки Заилийского края и Причуйской страны // Зап. ИРГО. Кн. 4. – СПб., 1861.
7. Голубев А. Отчет о результатах Иссык-Кульской экспедиции // Вестник ИРГО. Ч. 28. – СПб., 1860.
8. Грум-Гржимайло Г.Е. Краткий отчет о результатах экспедиции в приалайские страны // Изв. ИРГО. Т. XX. – СПб., 1886.
9. Загряжский Г. Заметки о народном самоуправлении у кара-киргиз // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. Вып. III. – СПб., 1874.
10. Загряжский Г.С. Юридические обычаи киргизов // Материалы для стат. Туркест. края. – СПб., 1876. – Вып. 4.
11. Костенко Л. Земледельческая производительность Средней Азии // ТВ, 1870. – № 17.
12. Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии // Записки РГО. Кн 3. – СПб., 1849.
13. О пространстве и населении Туркестанского края // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. Вып. I. – СПб., 1872.
14. Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области на 1898 год / Семиреч. обл. стат. ком. – Верный, 1898. – Т. 1.
15. Русские путешественники и исследователи о киргизах. – Фрунзе, 1973.

16. Рычков П. Топография Оренбургская, то есть описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым. – СПб., 1762. – Ч. 1–2.
17. Сведения о дикокаменных киргизах // Записки импер. РГО. Кн. V. – СПб., 1851. – С. 26.
18. Семенов П.П. Поездка из укрепления Верного через горный перевал у Суок-Тюбе и ущелье Буам к западной оконечности озера Иссык-Куль в 1856 году. Отрывок из путевых записок П. Семенова // Зап. ИРГО. Т. I. – СПб., 1867.
19. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. Кн. 1. Ч. 1–2. – М., 1768.